

Максим Горький

О «зрителе»

Максим Горький

О «зрителе»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2454825

Аннотация

«Существует международное племя человекоподобных – зрители. Внешне зритель почти таков же, как все люди: двуногий, в брюках, передние конечности развиты нормально и вполне ловко служат ему для приёма пищи, а также в случаях общения с особами иного пола. Сверх всего зритель имеет голову...»

Содержание

Максим Горький

О «зрителе»

1

Существует международное племя человекоподобных – зрители.

Внешне зритель почти таков же, как все люди: двуногий, в брюках, передние конечности развиты нормально и вполне ловко служат ему для приёма пищи, а также в случаях общения с особами иного пола. Сверх всего зритель имеет голову. Сия последняя, как у всех животных, вмещает глаза, они и служат зрителю основным органом его связи с внешним миром, а преимущественно приспособлены для изыскания «сучков» в глазах иноплеменных людей, например, деятелей, исследователей и т. д. Не следует думать, что зритель равноценен наблюдателю, ибо наблюдателя интересуют смыслы фактов, процессы организации фактов, зритель же отмечает почти исключительно изменения привычных форм и отношений, приписывая эти изменения действию некоей безумной воли, коя в дьявольской гордости своей изменяет, разрушает и даже испепеляет всё издревле приспособленное, приятно привычное и существовавшее века, не возлагая на

¹ Впервые напечатано в «Литературной газете», 1933, номер 50 от 29 октября. // В авторизованные сборники не включалось. // Печатается по тексту «Литературной газеты», сверенному с рукописью (Архив А. М. Горького).

человечка никакой ответственности за своё безобразие, тоже привычное и как бы даже невидимое.

Например: заметив надстроенный этаж на одном из двухэтажных домов какой-нибудь Мещанской улицы, зритель не усмотрит в этом факте ничего, кроме искажения архитектуры старого здания. И если даже сам он, может быть, тоже страдает от жилищной тесноты, однако единомыслящему соплеменнику своему скажет: «Портят Москву, Чухлому из Москвы делают!», хотя в Чухломе не был, что она такое – не знает, и даже не уверен: город это или символ глупости?

Сам он, зритель, скромн и от участия в строительстве разнообразно уклоняется. Он не любит ответственности, ответственность не симпатична ему. Он знает: начнёшь что-нибудь делать, бездарно и «против совести», невольно ошибёшься – ругать будут. Совесть у него составлена из трёх слагаемых: из нежной привязанности к прошлому, непобедимой антипатии к настоящему, из страха перед будущим. «В старину живали деды веселей своих внучат»², нимало не нуждаясь в блюмингах, микроскопах, метрополитенах и вообще не рисуясь друг пред другом ухищрениями разума, чёрт бы его побрал! Европа, с которой предки брали пример, поумнев, гонит в шею этот разум. Вот, например, Германия, страна философов, музыкантов, замечательных учёных... Там сказали: «Да прекратятся евреи!» И – прекрати-

² «В старину живали деды веселей своих внучат»... – из арии Неизвестного в опере А. Н. Верстовского «Аскольдова могила».

лись.

Конечно, нельзя отрицать полезность некоторых начинаний. Неожиданное открытие Беломорско-Балтийского водного пути, успех полёта в стратосферу, синтетический каучук успешно выдержал тяжёлое испытание, на Кубани найдено золото, рабочие харьковского завода «Серп и молот» организовали конференцию по вопросу воспитания детей, на месте Симонова монастыря построен великолепный театр, способный вместить зрителей в три раза больше, чем вмещала церковь, но это театр не совсем для чистых зрителей, а скорее для деятелей... Ну, и так далее. Конечно, строим.

Но не пора ли несколько понизить вредно действующий на приличные нервы шум, дым, треск? И – допустима ли жилищная теснота в стране, знаменитой обилием степей, пустынь, болот и разнообразных ископаемых? В общем, зритель не столько эстет, как убеждённый бездельник и сознательный дармоед. Однако это отнюдь не природные его качества, а только его способ самоохраны от различных неприятностей и беспокойств. Если б ему, зрителю, разрешили открыть собственную лавочку, какую-нибудь этакую беспартийную торговлю свободно маринованными грибами или, например, газету «Сокрушительные новости», – он показал бы себя весьма энергичным существом, вроде, примерно, крысы. Боевым отделом газеты служил бы отдел «Мелочи жизни», ибо глазок зрителя особенно чётко видит именно мелочи. В отделе этом зритель находил бы множество инте-

ресных сведений и разоблачений приблизительно такого тона: «К партийной чистке. Нам сообщено, что ответственный работник, Имярек, скрывает под левым усом солидную бородавку». Или: «Вчера около гостиницы «Националь» замечен был известный Икс в хмельном виде и под руку с дамой, совершенно не похожей на его супругу. О, темпора! О, морес!»³

Разумеется, в газетке этой сообщалось бы и о том, что китайские лавочники готовы заключить союз с ненавистными им лавочниками Японии, союз на предмет истребления красных китайцев, рабочих и крестьян. Такие сведения печатались бы без комментариев, без указаний на то, что для лавочников всех племён и наций представление о «родине», «отечестве» строго ограничено пределами их лавочек и что все лавочники – сукины дети. Конечно, газетка зрителей не вспомнила бы в этом удобном случае о том, как в 18–21 годах русские лавочники и приказчики их продавали русский рабочий народ английским, японским и прочим торговцам кровью.

Зритель – неумолимый и неумолимый критик, но к самокритике органически не способен. Живёт он толчками сзади, и каждый раз, когда история даёт ему почувствовать силу свою, он, поглаживая мягкое место ушиба, охает и стонет, обвиняя историю в невежливом обращении с ним, «неповторимой личностью», «царём природы», и прочая и прочая.

³ О, времена! О, нравы! (лат.) – Ред.

На фоне действительности нашей зритель уже – комический тип, материалишко для комедии. Но нередко случается, что он сам делает литературу, и вот это очень плохо, вот это нужно знать и чувствовать молодым нашим литераторам, ибо укусы трупной мухи могут вызвать общее заражение крови.